

Е. М. Копосова

Библейская фразеология как символический указатель культурных концептов

Язык, как известно, выступает средством выражения мировоззрения той или иной культуры и в то же время обуславливает ее миропонимание. В английской и русской культурах трудно переоценить влияние христианского вероучения, поскольку долгое время именно оно определяло устои жизни людей, а библейские тексты воспринимались как сакральные. Нельзя оставить без внимания содержание библейского фразеологического корпуса языков, в библеизмах находит отражение национальная специфичность. Приведенные ниже примеры доказывают, что даже одинаковые выражения или реалии могут обретать совершенно разную коннотацию в зависимости от менталитета, не говоря уже о далеко не идентичных наборах выражений, закрепившихся в языках. Библейская фразеология рассматривается как символический указатель культурных концептов, значимых для одной культуры и не замеченных другой. В статье обуславливается лингвокультурологическая разница в выборе средств номинации понятий о несправимости человека, предательстве, грехе, отношении к труду. Автором анализируется наличие в языках выражений с архаичными компонентами, а также сравниваются принципы отношений человека и Бога в традиционной православной культуре и с точки зрения протестантского мировоззрения.

Ключевые слова: сознание, культурные концепты, лингвокультура, христианский, фразеология, библеизмы, национальное сознание, православие.

Е. М. Koposova

Biblical Phraseology as a Symbolic Indicator of Significant Cultural Concepts

A language phenomenon does not just express the world view of linguistic community; it also explains its mentality and way of thinking. Both in English and in Russian cultures the influence of the Christian doctrine on formation of general cultural concepts and national mentality is invaluable, because for many centuries, it has been used to determine the nation's life principles, and the Books of Bible were judged as sacral. National corpora of biblical expressions can not be ignored; national identity finds itself in acquired biblical idioms. The examples below prove that even the similar expressions and images can be considerably transferred in national consciousness and acquire completely different connotations, not to mention the difference of the corpora themselves. The article deals with biblical phraseology as a symbolic indicator of significant cultural concepts, which are to be compared and analyzed in terms of ethnolinguistics and cultural linguistics. The author observes nomination means of such concepts as human incorrigibility, betrayal, sin, and attitude to work; analyzes the wide use of idioms, compares relations between man and God in two cultures.

Keywords: consciences, cultural concepts, linguoculture, Christian, phraseology, national mentality, biblical idioms, Orthodoxy.

Влияние христианского вероучения на становление основных категорий культуры и формирование национального сознания сложно переоценить. Содержание духовной и нравственной жизни народа, его отношение ко всем формам социокультурной деятельности долгое время определялось религиозно-мировоззренческими доминантами.

Особенно актуальным в условиях межкультурного диалога становится изучение библейского корпуса языков и того, как отражается в нем национальная специфичность. Именно библейские выражения, передаваясь из поколения в поколение, служат средством трансляции и фиксации особенностей национального сознания.

Сознание – один из основных феноменов человека и социума. Основу развития сознания составляют диалог, коммуникация, содержащие все богатство человеческих отношений, позволяющие

освоить не только мысли других людей, но и бесконечные смыслы культуры.

Феномен языка не только выражает мировоззрение данной лингвокультурной общности людей, но и в значительной степени обуславливает ее миропонимание.

Таким образом, библейская фразеология английской и русской культур может быть рассмотрена как символический указатель культурных концептов, значимых для одной культуры и не замеченных другой. Для английской и русской культур, как традиционно христианских, библейские тексты издревле воспринимались как сакральные, заключающие главные христианские ценности и нравственные представления. Но в ходе истории, смены поколений и образа мышления обе культуры отбирали и усваивали из Библии не только одинаковые, но и различные библейские фразеологизмы. Можно привести множество примеров

из английского языка, не встречающихся в русском, и наоборот. Например, *to play Samson in the temple* (Judges 16:21–30), *A (little) cloud no bigger than a man's hand* (I Kings 18:44), *Damascus road/road to Damascus* (Acts 9) или *Иерихонская труба* (Joshua 6), *Ничтоже сумняшеся* (James 1:6), *Темна вода во облацех* (Psalms 17:12).

Для разных этнокультур способы и средства метафорического обозначения окружающего мира различны. Слово – это всего лишь символ реального объекта, но уже его выбор говорит о национально-культурной специфике означивания себя и мира. Библейские образы могут в народном сознании значительно трансформироваться.

Библейское выражение *A leopard cannot change its spots* (Jeremiah 13:23) в русском языке используется в виде поговорки *Горбатого могила исправит* (а упрямого – дубина), не имеющей отношения к Библии. А вот фразеологизм *the outer darkness* в английском языке приобретает значение религиозное – ‘ад, место пребывания душ грешников’. Русский же эквивалент *тьма кромеиная* используется, как правило, в разговорной речи в значении ‘полная, беспросветная тьма’ (англ.: *pitch darkness; it is pitch dark*), а для обозначения *ада* более соответствует *преисподняя*.

Итак, выбор средств номинации понятий о несправимости человека и названия ада обоснован лингвокультурологически. В английском языке они имеют более возвышенную, можно сказать, поэтическую коннотацию. То есть смысл, заложенный в них, в какой-то мере смягчается, вуалируется, дабы не звучать слишком обличительно. В русских же разговорных эквивалентах, напротив, осуждение и угроза воздаяния за грехи совершенно недвусмысленны. Откуда такая разница? Есть основания считать, что смысловое содержание библеизмов в данном случае свидетельствует о характерных чертах менталитета: русский человек – прямой, открытый, говорит то, что думает. Англичанин же, напротив, сдержан, боится выглядеть грубияном, обидеть кого-то или быть неправильно понятым.

Слова-названия культурно маркированных реалий, экспрессивно-окрашенная лексика также свидетельствуют о национальном своеобразии культурных концептов и отражающих их образов. Так, в русском языке, как и в английском, имя Иуда означает ‘предатель, изменник’. По-английски *judas window, judas hole* – глазок или маленькое отверстие в двери, через которое можно тайно подглядывать внутрь помещения, а фермеры называют так приманку для заманивания скота на

убой (*judas*). Как мы видим на данном примере, понятие «предательство» переходит на бытовой уровень, тем самым его острота как бы нивелируется, снижается чувствительность обывателя к данной реалии.

В традиционной русской культуре связь повседневной жизни людей с церковной традицией всегда воспринималась как правильная и высоко ценилась. Эта установка и способствовала закреплению в языке библейской лексики и фразеологии, причем зачастую именно старославянской. Довольно много библеизмов, содержащих архаичный компонент, принадлежат к активному фразеологическому запасу современного русского литературного языка: *ищите и обряцете, толците и отверзется, тьма кромеиная, глас вопиющего в пустыне, терновый венец, знамение времени, власть предержащие* [4, с. 40]. В современном английском языке очень мало оборотов с архаичными компонентами: *(in) Abraham's bosom, he that diggeth a pit shall fall into it, to chastise someone with scorpions, Let not thy left hand know what thy right hand doeth* (Math 6:3). И естественно, что в такой форме сегодня они практически не употребляются. Одна из причин этого – появление большого числа переводов Библии на современный английский язык (Common English Bible 2011, Today's New International Version 2005, The Beloved and I 2005, The Message 2002) и сокращение популярности классического перевода XVII в. – так называемой «Версии короля Иакова» (King James Version).

В русской практике можно наблюдать тенденцию возвращения в язык церковнославянской лексики. А. Б. Бушев в своей статье связывает это явление с возрождающейся религиозной сферой жизни русского народа, активной проповеднической деятельностью представителей православия – это и светская проповедь в СМИ, и проповедь в храме, имеющие свои лексические доминанты, которые создают определенный религиозный дискурс [2, с. 89].

Православные представления о греховности мира и человека, о подчиненности Божественной воле, о вере как о главной опоре в жизни обуславливают приоритет смирения над амбициозностью и умением добиваться своего: *все мы под Богом ходим; Бог дал, Бог и взял; Бог тебе судья; кто к Богу, к тому и Бог; человек предполагает, а Бог располагает*. А. И. Солженицын приводит такую цитату: «Русский человек не способен обходиться без сердечного общения с Богом» [5, с. 149].

С другой стороны, тема первородного греха и вообще грехопадения Адама и Евы, особенно популярная в католических и протестантских проповедях, отразилась и в языке в виде нехарактерных для русского языка выражений: *a son of Adam – вообще любой человек/мужчина; as old as Adam – старо как мир, так заведено давным-давно; Not to know somebody from Adam (Eve) – ‘совершенно не знать кого-либо, не знать кого-либо в лицо (ср. я его в глаза не видел), не узнать кого-либо’.*

Разное восприятие и оценка страданий человека повлияли на закрепление в речи библеизмов и определили их национально-культурные черты. Библейский фразеологизм *Нести свой крест* (Иоанн 19:17) и английский эквивалент *bear (carry) one's cross (справляться с трудностями)* практически идентичны, за исключением того, что в русском языке значение отмечено определениями «покорно, смиренно», которых в английском нет.

Отношения человека с Богом в католичестве и англиканстве выстраиваются на основе принципа справедливого сотрудничества: *to render unto Caesar what is Caesar's* (в значении «соблюдать закон, платить налоги»). Даже название церкви в Англии говорит об этом: «The Church of England as by Law Established». В русском языке это выражение используется для характеристики жизни земной и духовного самосовершенствования: *Богу Богово, а Кесарю Кесарево*, как в выражении *Бога бойтесь, царя чтите (1 Петр. 2,17)*.

Согласно М. Веберу, человек, которого Бог предопределил к спасению, должен трудиться на преумножение Божьей славы и стремиться к успеху [6, с. 245]. В окружающем мире и в собственной душе этот человек стремится найти признаки своей избранности. Протестанты учат, что первородный грех извратил природу человека. Поэтому человек, хотя он и остается вполне способным на добрые дела, не может спастись своими заслугами, а только верой в искупительную жертву Иисуса Христа [3].

Консерватизм русского сознания уходит своими корнями в православие. Соборность, общинность – характерная черта русской нации, социальная форма жизни народа и принцип самоидентификации человека. Община всегда была приходом и вне церкви существовать не могла, «на соборе» решались насущные вопросы при участии всех ее членов. Церковь была символом веры в Бога, молитвенным домом, местом сбора общины. Отсюда фразеологизмы, отражающие эту черту: *один в поле не воин, все мы под Богом ходим, ста-*

рый друг лучше новых двух, с кем поведешься, от того и наберешься, надежный друг дорожке денег.

В английском самосознании человек также не может быть один, однако это скорей нежелательно, чем непозволительно. Семейные ценности высоки: *family that prays together stays together, blood is thicker than water, you don't choose your family, they are God's gift to you, as you are to them.*

Православная интерпретация труда как искупления греховности человека обусловила понимание необходимости труда: *«В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19); кто не работает, тот не ест; праздность – мать пороков, кто рано встает, тому Бог подают.* Хотя в русском языке мы встречаем и противоречащие этой истине пословицы: *Работа не волк, Дураков работа любит, Ешь – потей, работай – мерзни, Всея работы не переделаешь.*

В английском языке мы находим эквиваленты приведенных выше пословиц: *By the sweat of one's brow, work up a sweat, Idleness is the root of all evil, put in a hard day at work.* А вот оправдывающих лень выражений практически нет: *All work and no play makes Jack a dull boy* (хотя здесь, скорее, признание необходимости отдыхать).

В обеих культурах можно встретить множество библейских цитат и аллюзий, призывающих к труду и подчеркивающих важность честной работы: *«Почивать от трудов праведных» (Быт. 2:3), не посеешь, не пожнешь (Матф. 25:24), жнешь, где не сеял (Лук. 19:21) – Reap where one has not sown; труд человека кормит, а лень портит (Притч. 10:4) – devil finds work for idle hands to do; Put one's hand to the plough – ‘начать работу’.*

Таким образом, осуждение лени, уважение к труду – это универсальный подход, соответствующий христианской морали. Но в то же время русские снисходительно относятся к лени. Возможно, разница обусловлена климатическими различиями, поскольку в нашей стране начиная с весны крестьянин работал как каторжный, а после уборки урожая «заваливался в спячку» до следующих посевных работ. В Великобритании же сельскохозяйственный период длится около 9 месяцев, поэтому времени на отдых не так уж много.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существует прямая зависимость между начальной формой изложения вероучения и современным языковым самосознанием нации. Особенно эта генетически концептуальная связь характерна для современного русского менталитета, ценностные предпочтения которого сформирова-

ны под влиянием религиозной составляющей русской этнокультуры.

Библиографический список

1. Бушев, А. Б. Православный дискурс: полифония в русской культуре [Текст] / А. Б. Бушев // Вестник ЦМО МГУ. – 2009. – № 2. – С. 89–93.
2. Загот, М. А. Ищите и найдете, или Англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого [Текст] / М. А. Загот. – М.: Р. Валент, 2004. – 280 с.
3. Кто такие протестанты? Тезисы и символы веры [Электронный ресурс] // PROTESTANT. RU: Протестантский информационный портал. 2008. – Режим доступа: URL:<http://www.protestant.ru/whoiswho> (дата обращения 19.05.2015)
4. Луннова, М. Г. Библеизмы в современном русском языке [Текст] / М. Г. Луннова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2008. – № 13.
5. Солженицын, А. И. Россия в обвале [Текст] / А. И. Солженицын – М.: Русский путь, 1998. – 203с.
6. Сорвин, К. В. Человек в обществе [Текст] // Система социологических понятий в кратком изложе-

нии : учебник / К. В. Сорвин, А. А. Сусоколов. – М.: Русская панорама, 2005. – 256 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bushev, A. B. Pravoslavnyj diskurs: polifonija v russkoj kul'ture [Tekst] / A. B. Bushev // Vestnik CMO MGU. – 2009. – № 2. – S. 89–93.
2. Zagot, M. A. Ishhite i najdete, ili Anglo-russkij slovar' bibleizmov dlja vseh i kazhdogo [Tekst] / M. A. Zagot. – M.: R. VAlent, 2004. – 280 s.
3. Kto takie protestanty? Tezisy i simvolы very [Jelektronnyj resurs] // PROTESTANT. RU: Protes-tantskij informacionnyj portal. 2008. – Rezhim dostupa: URL:<http://www.protestant.ru/whoiswho> (data obrashhenija 19.05.2015)
4. Lunnova, M. G. Bibleizmy v sovremennom russkom jazyke [Tekst] / M. G. Lunnova // Izvestija PGPU im. V. G. Belinskogo. – 2008. – № 13.
5. Solzhenicyn, A. I. Rossija v obvale [Tekst] / A. I. Solzhenicyn – M.: Russkij put', 1998. – 203s.
6. Sorvin, K. V. Chelovek v obshhestve [Tekst] // Sistema sociologicheskikh ponjatij v kratkom izlozhenii : uchebnik / K. V. Sorvin, A. A. Susokolov. – M.: Russkaja panorama, 2005. – 256 s.